

16+

Виктор Кукушкин

Расскажи мне о своей любви к Эс

Виктор Кукушкин

Расскажи мне о своей любви к Эс

«Автор»

1998

Кукушкин В. Ю.

Расскажи мне о своей любви к Эс / В. Ю. Кукушкин — «Автор»,
1998

ISBN 978-5-532-93142-8

Герой был влюблен в девушку по имени СССР. Раньше модно было называть именами, состоящими из сокращений. В девушке, чье имя состояло из одних согласных, моральный кодекс строителя коммунизма боролся с психологией проститутки, поэтому она была так непоследовательна в своих решениях и поступках. Неожиданно она странным образом пропала. Герой встречает в кафе другую девушку. Та просит его рассказать о своей прежней любви. Грань между рассказом о прежней любви и новыми вспыхнувшими чувствами пройдена незаметно. Это драма человека, вокруг которого поменялась действительность. Не только вокруг него, вокруг всех поменялась действительность, но все почему-то пытаются вести себя как прежде, будто ничего не произошло. Им говорят: любовь прошла, – они не верят и пытаются вести себя как прежде. Иногда это выглядит комично. Им бы понять – ничего не изменится, если не изменить сознание. Адекватная и объективная реакция на процессы, происходящие вокруг – главный признак успешного человека.

ISBN 978-5-532-93142-8

© Кукушкин В. Ю., 1998

© Автор, 1998

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виктор Кукушкин

Расскажи мне о своей любви к Эс

Кому-то это, может, покажется утопией. Но так, именно так, или почти так оно и было. И вообще, если бы небольшой сдвиг в другую сторону, всё сейчас могло бы быть по-другому

Автор

1

Благодаря небольшой очереди он быстро получил бутерброды и пиво. Ему полагалась небольшая сдача, но буфетчица сдачи не дала. Он замялся у стойки, то ли собирая купленное, то ли в ожидании положенного. Буфетчица, почувствовав заминку, недовольно и почти с презрением бросила сдачу в маленькое блюдечко, такое маленькое, что деньги в нём еле поместились. Он оценил взглядом буфетчицу, оценил блюдечко и, не взяв денег, пошёл к свободному столику возле большого окна витрины. И ещё – ему было неудобно, – позади стояла девушка, молодая и очень красивая.

Девушка купила кофе и села за столик рядом с ним. Он был недоволен собой и потому сразу стал пить пиво, оставив без внимания бутерброды. Пена от пива, лопаясь, оседала на стенки стакана, образуя замысловатые узоры. И он крутил в руках этот стакан и рассматривал эти узоры. Он, конечно же, хотел рассматривать девушку и думать о девушке, но нельзя же быть настолько примитивным, чтобы делать всё просто и в лоб. И поэтому он крутил стакан и думал о стакане.

Девушка не спешила пить кофе. Сначала она смотрела через окно витрины на улицу, потом – достала газету «Спид-инфо» и, изредка заглядывая в газету, продолжила смотреть на улицу. И тогда он посмотрел на девушку.

Как это природа могла создать такое совершенство, ни в чем перед собой не согрешив, и создать именно здесь, в этом месте и в это время?! Странно, очень странно, – подумал он. И еще он почему-то подумал о смерти. Ему сразу же представился её череп, обыкновенный человеческий череп. Хотя нет, и череп необыкновенный! У этой девушки всё должно быть необыкновенное!

Тут он стал смотреть то на буфетчицу, то на девушку. И вовсе не потому, что желал их сравнить, а потому что захотел купить ещё пива и посидеть ещё за этим столиком. Девушка, кажется, обладала большими способностями растягивать удовольствие, кофе в её чашке оставалось ещё много. Но вместо того чтобы пойти за пивом, он почему-то открыл рот и через паузу произнес:

– Я люблю давать чаевые, но только тогда, когда я их даю, а не тогда, когда их берут без моего разрешения.

Он произнес эти слова без посылки и как-то глупо, но девушка посмотрела на него и, кажется, заинтересовалась. И тогда он продолжил, обратившись уже непосредственно к девушке:

– Когда берут без моего разрешения, получается, меня обманывают. Я не люблю, когда меня обманывают. Я всегда это вижу. Но никогда не показываю, что вижу, чтобы не отличаться от других.

Он хотел сказать, что любит пиво, но почему-то сказал то, что сказал.

Кафе закрывалось, и буфетчица, повесив на входе табличку «Закрывается на обед» и поставив счеты ребром, спорила о чем-то с очередью. Иногда она поглядывала на посетителей, сидевших за столиками, а поскольку счеты стояли на стойке, то на посетителей она поглядывала сквозь костяшки.

Девушка отложила газету, в которую, замерзая от холодного осеннего ветра на улице, косился через стекло витрины мужчина в поношенном костюме, и быстро, но внимательно осмотрела своего собеседника. И, кажется, оставшись довольной после осмотра, спросила:

– Скажите, а вы когда-нибудь были влюблены? безрассудно влюблены!.. но только... не в пиво и не в чаевые.

Она так мило улыбнулась на последней фразе, что на неё нельзя было обидеться и не ответить.

– Да.

– Да? – девушка, кажется, и обрадовалась, и загрустила, и смутилась, и примерила этот ответ на себя, и, не успев подобрать более подходящего вопроса, поинтересовалась: – Как её звали?

– СССР.

Лицо незнакомки ответило удивлением. Он ещё не знал, что она удивилась совершенно по другой причине, нежели он подумал.

– А что вы удивляетесь? Раньше модно было называть такими именами – Октябрина, Индустрия, Вилен, Ким... Даздраперма... Всякими. Даже такими редкими называли, что сейчас и не вспомнишь, не сохранились в истории, потому что люди не оставили след. Такой конструктивизм на уроне имен.

– Редкое имя, – шепотом согласилась девушка.

– Да, редкое.

– И знакомое.

Буфетчица уже стояла возле двери и кричала кому-то через стекло витрины:

– А я вам говорю, закрыто! – кричала так, словно стояла над душой у всех, кто ещё оставался в кафе, особенно над душой той парочки за столиком у витрины, которая о чём-то договаривалась. Чтобы лучше слышать, о чём те договаривались, буфетчица придвинулась ближе.

– Мы можем ещё встретиться? – первой предложила знакомство девушка.

– Конечно, – ответил он и чуть внимательнее посмотрел на свою новую знакомую.

Ему захотелось представить, как она будет выглядеть, когда станет взрослой женщиной. Он отвёл взгляд в сторону, и подумал: «У меня порой не хватает сил, чтобы жить, потому что от меня уходит красота, от меня уходит гармония. От всех нас уходит красота и гармония. Мы её находим или создаем заново, а она опять, словно вода сквозь пальцы, уходит. А сердце каждый раз переживает эти потери словно впервые. Мы учимся жить – от нас уходит жизнь. Мы учимся любить – от нас уходит любовь. Всё уходит. И даже когда, казалось бы, ты всё заключаешь в своих объятиях, тебе вдруг начинает казаться, что не это есть красота, не это есть любовь, не это есть жизнь. Всё подвергается сомнению». Возможно, он об этом подумал, когда шёл домой и закончил свою мысль уже дома, а возможно, мысль пришла к нему уже в конце истории. Он обладал способностью узнавать мысли, которые придут к нему в будущем.

Буфетчица уже почти висела над их столиком. Быстро сунув девушке клочок бумаги, он прошептал:

– Вот мой телефон.

В это момент в дверь застучали. В нее, конечно же, стучали и раньше, но не так сильно.

– И вы мне обязательно расскажете о своей любви! – улыбнулась девушка и, вспорхнув, вмиг оказалась возле двери.

Он проводил ее взглядом. У двери ее встретил полный мужчина. Они сели в машину и уехали. Когда он вернулся взглядом в кафе, здесь уже никого не было. Кроме буфетчицы. Та сидела напротив и, пытаясь достучаться, твердила:

– У меня обед. Каждый день одно и то же, одно и то же. Сидят и сидят! Могу и я поесть когда-нибудь? Денег не платят. Зарплата маленькая. Ещё и расслаживаются как у себя дома. Может, вы и ночевать здесь останетесь?..

Что она говорила дальше, он не слышал, кажется, она говорила ещё.

На следующий день девушка не позвонила.

Его тянуло в кафе и в то же время он чего-то боялся. Чего боялся, он понял, когда зашёл в кафе – он боялся буфетчицы. Буфетчица, конечно же, запомнила его и, конечно же, сложила о нём своё мнение. А он не любил, когда своё мнение о нём складывали люди, которые ему не нравятся. Он не хотел входить в мир этих людей, не хотел путешествовать в их воображении волею их мыслей, так же как не хотел впускать их в свой мир, избегал встреч с ними, даже если люди были с ним незнакомы, а встречи случайны.

Хорошо, что он пришел в кафе задолго до закрытия. Он так хотел увидеть девушку, что пришел намного раньше того часа, когда они здесь вчера встретились.

За стойкой стояла все та же буфетчица. Он с большим трудом и нерешительностью заставил себя встать в очередь, низко и с безнадежностью склонив голову, словно это была очередь на эшафот. Вообще-то, он встал более чем решительно, но немного помедлив. Еще не хватало, чтоб буфетчица видела, что он не хочет вставать в очередь, где она работает. Уж он-то хорошо знает таких людей.

Буфетчица отпускала порции, как ей нравилось. Кто ей нравился больше, она отпускала порцию больше. Кто ей нравился меньше, она отпускала порцию меньше. Кто ей вовсе не нравился, ну, тут, вдобавок ко всему, она отпускала такой взгляд, такой сгусток отрицательных эмоций, и только и ждала, чтобы кто-нибудь попробовал возмутиться. Но никто не возмущался, и потому буфетчица чувствовала себя здесь полновластной хозяйкой.

Он с нетерпением ждал своей очереди, ждал момента, когда увидит на своей тарелке порцию. В нём ещё теплилась надежда, что он неправ в своих мыслях по отношению к этой женщине, но достаточно было его взгляду встретиться со взглядом буфетчицы, надежда развеялась. Он всё понял. Буфетчица узнала в нём вчерашнего посетителя, засидевшегося со своей порцией слишком долго, и – положила очень большую порцию.

«Этого ещё не хватало! – подумал он. – Не хватало ещё ей понравиться. Может, она успела прочесть мои мысли и, накладывая порцию, подумала: «Чтоб ты подавился»? – только это предположение успокоило. Качество пищи во всех кафе и столовых в то время было такое, что лучше бы пищи, действительно, было меньше.

А потом опять появилась Она! Она, а может, это была не она, а видение, галлюцинация, потому что он очень хотел ее увидеть, она опять взяла кофе и вновь села за столик у окна, и достала газету «Спид-инфо». И опять на улице появился мужчина в поношенном костюме и вновь стал заглядывать через стекло витрины в газету.

Вскоре девушка обвела взглядом кафе и увидела его, улыбнулась, сложила газету, и пересела за его столик. А мужчина за окном с ненавистью посмотрел в его сторону. Боже, когда у людей пройдет эта ненависть? И опять за ними наблюдала буфетчица. И пошла она вскоре почему-то закрывать кафе раньше обычного. И закрыла. Возможно, она закрыла кафе вовремя, – когда сидишь за столиком рядом с такой девушкой, не замечаешь, как летит время.

– Я не позвонила, потому что... была занята... А вы ждали моего звонка? Скажите честно, ждали?

Прямо-таки поставила в тупик.

– Жизнь такая штука, что иногда нет необходимости отвечать на некоторые вопросы, правда?

– Наверное. Так вы расскажите мне о своей любви к той, чьё имя состоит из одних согласных? Тогда я вам обязательно позвоню! Только подождите чуть-чуть, – и девушка вновь скрылась.

Легко сказать, подождите. Больше всего на свете он не любил ждать, да и не умел, наверное. Нет ничего мучительнее, чем ждать. Когда не ждешь, всё приходит само собой, когда ждешь, всё будто специально задерживается. Он опять посмотрел перед собой, потом вновь перевел взгляд в сторону и подумал: «Моя маленькая девочка, зачем ты просишь меня рассказать о моей любви к Эс?.. Как силы разума не раскрывают перед людьми тайны раньше срока,

чтобы люди не узнали, что им положено узнать только в будущем, и не поселили в своих душах хаос, так и я не хотел бы рассказывать моей маленькой девочке о своей любви. Но коль ты меня об этом просишь, и насколько я понимаю, это более всего тебя сейчас интересует, я буду рассказывать об этом по мере наших встреч и по мере твоего взросления, ведь, что такое наши встречи, если не ступени твоего взросления».

За столиком возле него опять сидела буфетчица. На этот раз она поставила перед собой порцию, очень большую порцию и ела. И смотрела на него. И снова ела. А он сказал: «Приятного аппетита», – отчего буфетчица сильно удивилась! – потом вдруг встал и вышел.

На следующий день всё повторилось заново. Девушка не позвонила, он всё утро ждал её звонка. Ему хотелось встретиться с девушкой и ровно настолько же не хотелось встречаться с буфетчицей. И он опять пришел в кафе и встал в очередь.

Буфетчица выделила его из очереди сразу, и держала его в поле зрения, пока он не оказался рядом, и попыталась широко улыбнуться, и подала ему порцию, отличную от других на отличной от других тарелке, и сказала:

– Мы всегда рады нашим постоянным клиентам!

Он хотел возмутиться, но почувствовал, что ему приятно.

Он сел за столик возле большого окна витрины и стал ждать. Вскоре на улице появился мужчина в поношенном костюме, рядом с ним – ещё двое. Не отыскав девушки, мужчина указал своим спутникам на него и что-то процедил сквозь зубы. Потом они скрылись. И, наконец, появилась она. Он проводил её взглядом до стойки ожидая ответного взгляда. Девушка встала в очередь, но, когда её очередь подошла, буфетчица с презрением осмотрела посетительницу и, поставив счета ребром, сказала:

– Закрыто!

Девушка тоже хотела что-то ответить, но передумала, повернулась и сразу же подошла к нему.

– Привет!

– Привет! – улыбнулся он.

– Завтра я обязательно позвоню! – сообщила девушка и исчезла так же неожиданно, как появилась.

Он оставил свою порцию и тоже пошел к выходу. У стойки в это время происходил шум.

– А вы что галдите?! Превратили кафе чёрт знает во что! Не кафе, а бордель какой-то! Ещё и возмущаются...

Он шёл по узкой полоске стены словно по узкой полоске памяти мимо огромных очистных сооружений, где бурлила вода, и думал об удивительной способности воды – очищаться. Человеческая же память проносит многие воспоминания через всю жизнь и очень неохотно с ними расстаётся, и томит, и мучает, и заставляет вновь и вновь возвращаться к ним, словно к месту преступления, словно к точке отсчета, откуда жизнь могла бы развиваться заново и, возможно, совершенно по-другому.

Он шёл и думал об Эс. Вообще-то, он и раньше думал об Эс, но события последних дней обострили воспоминания. Наверное, он ещё не готов был к встрече в кафе, хотя где-то в глубине души он уже эту встречу ждал. Он ещё не освободился от образа Эс, жившего в его сознании и владеющего им, и потому не был готов к созданию нового образа. Более того, он не был даже уверен, стоит ли освобождаться от образа, ставшего столь привычным. Не важнее ли быть последовательным, до конца, несмотря ни на что, не смотря даже на то, что образ стал столь противоречивым и утратил реальные очертания? Душа его ещё находилась в спячке, в какой-то непонятной классификации чувств и была неспособна объективно оценивать происходящее, тем более адекватно на него реагировать.

Он искал логических доказательств, чтобы забыть Эс, пытался выстроить для неё своеобразный саркофаг, придумать иную форму существования, чтобы потом, разорвав паутины сомнений, отделить её образ от своей души и вернуть душе способность восприятия нового. Иначе утратив такую способность, можно стать рабом своих прежних чувств и вместе с ними погибнуть, прислуживая им по ту сторону жизни, по эту лишь совершая привычные ритуалы, утратившие смысл.

Когда он ей клялся в любви, ещё не знал, в отличие от многих, что будет дальше, что, вообще, что бывает после подобных клятв и признаний, и каким образом всё может обернуться.

Встреча в кафе перевернула многое. И хотя сейчас он по-прежнему думал об Эс разговаривал он уже не с Эс, а с той девушкой, что сидела за столиком. Он уже, можно сказать, начал свой рассказ.

В размышлениях он не заметил, как подошёл к дому.

Во время пути за ним на почтительном расстоянии двигались трое, те, что заглядывали через стекло витрины. Когда он их заметил, те остановились, сделали вид, что наблюдают за работой катка, укатывающего асфальт. Асфальт разбрасывали полные женщины в оранжевых халатах, и троим, по-видимому, сделалось приятно наблюдать за работой женщин.

Он сел на лавочку, возле дома, и тоже стал наблюдать.

Трое, почувствовав, что за ними наблюдают, усилили наблюдение. Женщинам поначалу это понравилось. По их телам будто прошел электрический заряд, вызвавший спектр эмоций и настроений. Поведение женщин менялось буквально на глазах. И в эти мгновения они, казалось, смогли вместить все типы поведения, на какие только способны женщины, несмотря на то что они продолжали укладывать асфальт. Но когда мужики перенесли свое внимание с женщин на следы, случайно оставленные в результате наблюдения за женщинами на горячем асфальте, и принялись анализировать по этим следам свое поведение, женщинам это перестало нравиться. А когда мужики уже осмысленно попытались оставить каждый свой след на асфальте, забыв о том, кому этот асфальт обязан своим рождением, женщины перешли в ярость.

Лопаты и ругань полетели с такой силой, что даже перегнали отстающих.

Потом троица стояла перед ним и очень внимательно его рассматривала. Может, им не стоило этого делать, но они, успев обвинить его во всех своих грехах, решили одним махом взять реванш и в то же время не меняли стереотип своего поведения, чтобы выглядеть правыми.

– Сидит, – сказал один.

– Сидит, – подтвердил другой.

– Интересно, как он себя поведет, если его ударить? – полюбопытствовал третий.

– А что, это идея!

– За что?

– Да за просто так. Не нравится он мне.

– Ну тогда конечно!

– Смотри, типа того – загрустил.

– Не-ет, это он гордый такой!

– Вот мы и сшибем с него эту гордость!

Они говорили так, словно его здесь не было, словно это было пустое место, судьба которого полностью зависит от них, и в то же время они говорили о нем. Но они говорили слишком долго.

Дав им возможность понаслаждаться превосходством, подумал, «и эти туда же – пытаются, как и многие сейчас, оспаривать место хозяев жизни». К тому же, он, действительно,

загрустил. Он всегда грустил, когда ему необходимо было предпринять какое-то действие и очень не хотелось этого делать.

Грустим мы, грустят образы, нас окружающие, грустит всё, кроме самого предмета, вызвавшего грусть. Но это же так несправедливо!..

– К его дому уже и дорогу хорошую подвели, – эта фраза пронеслась с обидой!

Далее было невнятное бормотание, мольба, смешанная с повизгиванием, предложение своих услуг, в чём-то, непонятно в чём, в чём угодно.

– ...в следующий раз... получим своё... он ещё за всё заплатит... – эти фразы трусливо прозвучали издали и имели множество оттенков.

Девушка тоже не сразу пошла домой. Поблуждав по городу, остановилась возле киоска и принялась рассматривать газеты. Точнее, она их не рассматривала, просто стояла рядом с незнакомцем, задохнувшись перед неизвестным. Её состояние вскоре передалось незнакомцу, и тот прекратил рассматривать газеты. Возможно, в девушке жила надежда на знакомство, но, если бы этого не случилось, она бы не расстроилась. Ей просто необходимо было, чтобы рядом с ней всегда находилось что-то неизвестное. Тогда можно делать всё, даже непонятно что, даже рассматривать газеты, и жизнь всё равно не будет казаться такой бесцельной и тягучей.

Она ещё некоторое время постояла возле киоска и даже успела отпраздновать в душе маленькую победу в том, что более бесстрашно, в отличие от незнакомца, смогла управлять своими эмоциями, смогла лучше него сконцентрироваться на газетах, хотя не одной из них и не запомнила. Незнакомец её больше не интересовал, потому что он проиграл, а она выиграла, потому что она перехватила инициативу. Она даже попросила у парня ручку и что-то записала в своём блокноте. Потом отдала ручку. Легкий трепет пробежал по её телу и, кажется, побоявшись, что неизвестное может оказаться известным, торопливо ушла.

Такое случалось с ней всё чаще и чаще. Побудет возле одного, возле другого и вновь спешит по лабиринтам дорог, по лабиринтам грез и фантазий, словно умелый режиссер выстраивая сложную логику своих рассуждений, направляя эту логику вместе со своей жизнью к той единственной цели, единственной развязке, оттягивая насколько возможно эту развязку, отодвигая её как можно дальше, самое важное, самое главное оставляя на потом, – и живя так, не принимая никаких решений, пока есть силы сопротивляться.

Совершенство не нуждается ни в чём, живёт и существует само по себе и только когда начинает разрушаться, оно нуждается в участии.

Потом в книжном магазине девушка стояла перед полками книг. Книг было так много, и каждая из них говорила: я самая лучшая, самая интересная, во мне сокрыты самые глубокие и сокровенные тайны, возьми же меня, почитай! Девушка проходила перед этими книгами, перед этими мирами, с надеждой, с жадной, со смущением и тревогой, с желанием познаний. Её взгляд скользил по томам Чехова, Тургенева, Толстого, Достоевского... Её указательный палец замер на переплете одной из книг и вытащил её. Она отложила эту книгу и продолжила свой путь дальше.

Выбор был огромен. Ушло немало времени для преодоления растерянности. Девушка достала другую книгу, перелистала её, на мгновение задумалась, поставила книгу на место. Неожиданно остановилась и ступевалась. Осмотревшись и убедившись, что её никто не видит, девушка с большим сомнением и с таким же большим желанием подошла к новой книге. Не сразу решилась её взять, но, когда решилась, ещё раз осмотрелась вокруг и быстро сунула книгу в сумочку. Она, конечно же, могла купить эту книгу, но ей почему-то стыдно было это сделать.

С некоторых пор в её жизни стали возникать вопросы, на которые она не знала ответа, но эти вопросы и волновали её больше всего. Они бросали её в водоворот событий и заставляли совершать поступки. И ещё – может быть, больше всего её сейчас волновала судьба той стран-

ной незнакомки с именем, состоящим из одних согласных. Она уже неоднократно слышала это имя. В один миг ей даже стало казаться, что она повторяет судьбу этой женщины.

Почти перед самым домом девушка зашла в телефонную будку и взяла трубку. И так простояла с трубкой, не набирая номер. Взгляд её был обращен внутрь. Во время своих блужданий она даже не заметила, что за ней начал следовать автомобиль, тот, что забирал девушку из кафе. Автомобиль остановился недалеко от будки и ждал. Длинный телефонный гудок вместе со взглядом, обращенным вовнутрь, казалось, пытались проникнуть всё глубже и глубже в тайники её души, пытались отыскать что-то важное, забытое, потерянное, упущенное, то, что не давало покоя. Потом гудок оборвался, стал прерывистым, и вместе с ним оборвалось путешествие вовнутрь.

Девушка вышла из телефонной будки, так и не набрав номер. Водитель автомобиля проследил за ней до подъезда, автомобиль постоял некоторое время и уехал.

Лифт не работал. И каблучки застучали по ступеням мрачной лестницы. Вскоре их звуки стали медленнее и затихли. Девушка остановилась. На ступенях у окна лестничной площадки склонив голову дремал мужчина. Рядом лежал выскользнувший из рук пистолет. Растерянность сменилась любопытством. Мгновение – и рука девушки потянулась к пистолету. И мужчина проснулся.

– У вас упал пистолет, – прошептала девушка. Она знала, что ей прощается почти всё.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил незнакомец и, подняв пистолет, пристально посмотрел на девушку, и покраснел, и задохнулся. – Как мне всё это надоело. Я ведь по первому образованию критик, литературный. В самом страшном сне не мог даже себе представить, что придется искать новую работу.

– Нашли?

– Не уверен.

– А по второму, – улыбнулась девушка.

– Что?

– По второму образованию вы кто?

– Не догадаетесь. Даже не пытайтесь. Был сторожем. Потом милиция. Только в милиции в наше время можно найти работу. Но пришел новый начальник милиции и меня уволили, потому что раньше работал литературным критиком. Улавливаете связь? Я тоже не сразу. Новый начальник милиции пишет детективы по материалам дел. Похоже, у таких как я нет будущего. Каждый человек идет по жизни и приходит к единственно верной профессии, где как в фокусе спроецированы все черты его характера. И тогда человек счастлив. Или не приходит. Тогда беда. А вы кто по профессии?

– У меня ещё нет профессии.

– Значит, у вас ещё нет недостатков. Я вам завидую. Профессия нужна, чтобы зарабатывать деньги. Взамен мы раскрываем слабости своего характера. Люди не должны знать ваши слабости. Тогда они не смогут вас уничтожить.

– Кого-то ждёте? – поинтересовалась девушка, понимая, что незнакомец не хочет подвигаться, чтоб пропустить её.

– Возможно. Вообще-то, я пришел к выводу, что стоит заняться поиском работы по специальности. Правда, ещё точно не знаю, во что превратило время мою специальность. Можете мне помочь?

– Я подумаю. Как с вами связаться?

– Вот мой телефон, – и мужчина с пистолетом протянул ей свою визитку.

– Я вам обязательно позвоню, – сказала девушка.

– Нет, у вас все-таки есть недостаток, – добавил мужчина, когда звуки её каблучков спиралью закручивались вверх и где-то там в глубине пропадали.

– Какой? – гулко улыбнулся подъезд.

– Вы красивая...

Небесную сферу, организованную в единое гармоничное пространство, нарушил реактивный самолет, оставив после себя царапину, словно на пластинке. Раньше таких царапин было много, сейчас подобное он увидел впервые.

Девушка опять не позвонила. Он ждал ее звонка, а она не позвонила. Вдалеке, как и прежде, асфальтировали дорогу. А возле дома вчерашняя тройца упражнялась в овладении приёмами каратэ, точнее демонстрировала как она ими может владеть. В своем поведении они походили на подростков, – выглядело неестественно.

Заметив шевеление занавески в его окне, старший из тройцы решил продемонстрировать «смертельный номер». Бросая воинственные взгляды в сторону окна, он заставил приятелей держать велосипед с разных сторон, приготовился к прыжку через велосипед, но не рассчитал и в полете всем своим телом обрушился поперек рамы, увлекая за собой и велосипед и приятелей.

«Кажется, у них появился смысл жизни, – подумал он. – Странно все-таки ведут себя люди. От непонимания того, что происходит, ведут себя так, как вели себя раньше, совершенно в другой ситуации, демонстративно не признавая новую ситуацию, даже если их поведение выглядит глупым. Так и в любви – человеку говорят, что всё закончилось, а он никак не может в это поверить».

Едва он вышел из дома, «каратисты» сразу же успокоились и на почтительном расстоянии последовали за ним. Иногда один из тройцы садился на велосипед и обгонял его. Потом – возвращался, стараясь проехать как можно ближе, чтобы задеть, обратить на себя внимание, продемонстрировать с помощью велосипеда превосходство. Потом на велосипед садился другой, потом – третий. И хотя каждый при этом стремился покататься, было в их поведении нечто угрожающее.

Возле кафе царило оживление. Несколько рабочих суетились у стекла витрины, поднимая вывеску с блестящей надписью «Супермаркет». Буфетчица недалеко от входа торговала пирожками.

– Пирожки, горячие пирожки!.. – весело выкрикивала она, увидев его, стала выкрикивать ещё веселее.

– Так что, ваше кафе уже закрыли? – с горечью в голосе спросил он.

– Да, закрыли, – ответила буфетчица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.